

Я вздохнул и тихо пробормотал "хлопотно" под нос, затем посмотрел на Ируку, который ожидал ответа.

— Я дал Наруко прочитать кое-что из книги моего отца, — легко соврал я. — Она может приклеивать листья без всяких проблем. Просто дайте ей попробовать.

Чтобы подчеркнуть, насколько бесполезно тратить время на эти упражнения, я поднял с земли лист бумаги, используя чакру, и медленно поднес его к руке.

— У меня болит голова, — сказал я, повернувшись к Наруко, надеясь, что она поймет намек. — Я собираюсь прикинуться Шикамару. — Я проигнорировал фырканье самого Шикамару рядом со мной и снова лег, нуждаясь в отдыхе.

В итоге я вздремнул полчаса, пока остальные делали упражнения по контролю чакры, которые я мог бы выполнить даже во сне.

— Саске-кун, научи меня тому, что ты сделал? — спросила одна из гражданских девочек, выглядя одновременно взволнованной и нервной.

Я посмотрел на нее скучающим взглядом, сидя в тени дерева и обедая в одиночестве.

— Нет, — просто ответил я, откусывая рисовый шарик, который приготовил этим утром.

— Но... — начала она, но я перебил ее.

— Я не учитель, — холодно сказал я, не заботясь о том, что девочка вздрогнула от моего тона. — Я сам научился делать то, что у меня получается лучше всех здесь. Пожалуйста, перестань меня беспокоить и дай мне поесть. — После этого я снова проигнорировал ее и продолжил есть.

Девочка всхлипнула и практически убежала от меня, готовая заплакать.

Я уже доводил детей до слез раньше, но, вероятно, это было из-за того, что я подсознательно пугал их, ведь у меня с рождения была связь с предком клана Учиха. Несмотря на слова Итачи или моих родителей, мне всегда было неприятно, когда младенцы не позволяли мне их

держат, крича и плача.

По крайней мере, у меня было объяснение этому, кроме очередного повода чувствовать себя хуже Итаци.

Прекрати. Я ругался про себя, не желая думать об этом. Иногда я ловил себя на сравнении с Итаци и ощущении своей неполноценности.

Мысли о том, что я естественным образом склонен к этому, даже понимая причины поступков Итаци, не приносили удовольствия.

Закончив обед, я посмотрел на Наруко, которая пыталась объяснить Шикамару технику приклеивания листьев.

Судя по его ошарашенному взгляду и раздражению Наруко, она объясняла плохо, и Шикамару чувствовал себя заложником.

Пожав плечами, я сидел и расслаблялся, размышляя о ближайших неделях тренировок.

Наруко крепко держала меня за руку, когда мы подошли к мемориалу, моя рука начала неметь от её хватки.

Я спросил её, почему она боится идти сюда, и её ответ был поразительно милым. Она боялась призраков.

Оглядываясь назад, я не должен был говорить ей, что призраки не страшны, потому что они не обитают в определённых местах, их можно воссоздать с помощью Дзюцу, созданного Вторым Хокаге. С тех пор она не отпускала меня.

Я молча представлял, как она отреагировала бы, если бы узнала, что я сам по сути являюсь призраком, обитающим в теле реинкарнации того, кто уже несколько раз умер.

Не нужно быть гением, чтобы понять, что она отреагировала бы как кошка, брошенная в ледяную ванну.

— Мы почти пришли, не волнуйся, — мягко сказал я, зная, как нервничал, когда пришёл сюда впервые.

Но теперь я был один.

Мы подошли к мемориалу, и мои глаза пробежались по именам, отыскивая нужное.

Узумаки Кушина.

— Вон там, — указал я, глаза Наруко последовали за моей рукой. Слабый вздох сорвался с её губ, её хватка ослабла, и она шагнула вперёд, словно в транс.

— Каасан, — прошептала она, её рука коснулась холодного камня.

Наруко начала дрожать, слабый всхлип сорвался с её губ.

— Это несправедливо, — сказала она, яростно вытирая глаза. — Я никогда не встречала тебя.

Она начала говорить быстро, почти непонятно, её тело сотрясалось от рыданий.

Теперь Наруко плакала открыто, и моё дыхание сбилось от того, насколько её слова напоминали мои собственные мысли.

Не желая оставлять её совсем одну, я подошёл и обнял её за плечи, чувствуя, как она дрожит подо мной.

— Это несправедливо, Саске, — промычала она в мой рукав, слегка всхлипывая.

— Я знаю, — проглотил я комок в горле, почти ощущая запах крови моих родителей, когда вспоминал всё это. — Я знаю.

В этот момент я бы выбрал убить Обито. Даже если бы он не сделал мне ничего плохого лично, или если бы всё сделал Итачи, я всё равно решил бы убить Обито, потому что он заставил девочку, рыдающую у меня на руках, плакать своими действиями.

Это подпитывало моё собственное чувство отчаяния от утраты, отражённое в глазах невинной девочки.

После того как мой рукав был основательно промок от её слёз, Наруко смогла успокоиться и подняла на меня свои заплаканные голубые глаза.

— Станет ли легче? — тихо спросила она, глядя на имя своей матери.

Я медленно выдохнул, осознавая, какую уязвимость и доверие мне показала девочка, которую я активно манипулировал, и от этого меня чуть не стошнило, когда я подумал о том, с кем я мог бы себя сравнить.

В самом деле, как Итачи.

— Я не знаю.

— Насколько безопасно пересаживать плоть и кровь от одного члена клана другому, не родственному субъекту? — спросил я, мои руки слегка дрожали от холодной ткани, которой я зашивал свежую рану уличного кота.

Уличные кошки и другие животные были терпимы в Конохе по двум причинам. Во-первых, это помогало генину тренироваться в отслеживании и поимке целей...

И во-вторых, Ирѐнин нуждались в чём-то для тренировки.

К счастью, этот конкретный кот был старым даже по меркам бродячих кошек, и его нервы временно блокировал Кабуто, так что мне не приходилось думать о том, что я мучаю его.

Вопрос, который я задал Кабуто, заставил его нахмуриться, он задумчиво посмотрел на кота.

— Это действительно сложная тема, Саске, — сказал он, его глаза скользнули по относительно спокойному коту. — Почему вдруг такой интерес?

— Я помню рассказы о том, что у клана Сендзю была такая мощная чакра, что подчинить их Гендзюцу было трудно, а бои на истощение против них почти невозможны из-за их резервов. — Я был полностью честен в своем объяснении. — Я просто подумал, кем бы я мог стать, если бы у меня был Шаринган и такие же резервы чакры.

Это был своего рода рискованный вопрос, но задавать его учителям или АНБУ означало бы напрямую обращаться к Сарутоби, а этого я точно не хотел. Я не хотел, чтобы он начал проводить параллели между мной и Орочимару, особенно учитывая, что я не испытывал никакой лояльности к деревне.